

IV. САМОСТЬ

Теперь мы перейдем к вопросу о том, оказывает ли какое-то особое влияние на эго-личность рост самопознания в результате устранения безличных проекций - другими словами, интеграция содержимого коллективного бессознательного. Можно ожидать, что в той мере, в какой интегрированные компоненты эго содержимого являются *составными частями самости*, влияние окажется существенным. Их ассимилирование не только расширяет поле сознания, но и увеличивает важность эго, в особенности, если, как обычно и бывает, эго лишено критичности в подходе к бессознательному. В подобных случаях эго легко подавляется и идентифицируется с ассимилированным содержимым бессознательного. Так, например, мужское сознание подпадает под власть анимы и даже может стать одержимо ею.

Дальнейшие последствия интеграции содержаний бессознательных я обсуждаю в другом месте, а потому позволю себе здесь не вдаваться в подробности. Следует лишь напомнить, что чем более многочисленны и значительны бессознательные содержания, ассимилированные в эго, тем сильнее эго приближается к самости, даже если такое приближение будет составлять бесконечный процесс. Это неизбежно приводит к инфляции эго, если не провести критическую демаркационную линию между ним и фигурами бессознательного. Но подобный акт разграничения дает практические результаты, только если удастся установить разумные границы эго и вместе с тем предоставить бессознательным фигурам - самости, аниме, анимусу и тени - относительную автономность и права реальности (психического характера). Если же пытаться психологическими объяснениями доказывать отсутствие этой реальности, получится либо вообще нулевой результат, либо еще большая инфляция эго. Нельзя избавиться от фактов, попросту объявляя их нереальными. Например, реальность фактора, порождающего проекции, невозможно отрицать. Всякий, кто не признает этот фактор, отождествляется с ним - процедура, не только сама по себе сомнительная, но и представляющая немалую опасность для благополучия индивида. Каждый, кому приходилось иметь дело с такими случаями, знает, сколь большой риск таит в себе инфляция. Достаточно споткнуться на небольшом лестничном пролете или даже на ровном полу, и падение будет фатальным. Кроме мотива "гордыня предшествует падению", есть и другие, не менее неприятные психосоматические и психические факторы, принижающие человека в состоянии "над-утопии". Такое состояние нельзя считать сознательным самопревознесением. Как правило, дело обстоит иначе. Обычно

мы вообще напрямую не осознаем этого состояния, но можем лишь судить о нем по косвенным симптомам. В число последних входит реакция нашего непосредственного окружения. Инфляция закрепляет шоры у нас на глазах, и чем больше мы оказываемся ассимилированы фактором, создающим проекции, тем сильнее склоняемся идентифицироваться с ним. Явным симптомом служит здесь растущее нежелание обращать внимание на реакции окружения и считаться с этими реакциями.

Подлинной психической катастрофой следует считать случай, когда *эго* ассимилируется самостью.

Образ целостности тогда остается в бессознательном, так что он, с одной стороны, разделяет архаическую природу бессознательного, а с другой, попадает в психически релятивизированный пространственно-временной континуум, характерный для бессознательного как такового

4

. Оба эти качества имеют свойство нуминозности, а потому оказывают неограниченное действие на эго-сознание, коему свойственна дифференцированность, то есть отделенность от бессознательного, и которое к тому же существует в абсолютных пространстве и времени. Указанные его свойства жизненно необходимы. Таким образом, если эго на какое-либо время попадает под контроль бессознательного фактора, его адаптация нарушается, и открывается путь для всевозможных случайностей.

Поэтому, крайне важно, чтобы эго укоренилось в мире сознания и чтобы сознание усиливалось весьма тщательной адаптацией. Для этих целей в моральном плане очень полезны такие добродетели, как внимательность, совестливость, терпение и т.п., а в интеллектуальном плане - старательное наблюдение за симптоматикой бессознательного и объективная самокритичность.

Акцентуирование эго-личности и мира сознания, одна-ко, легко может приобрести такие размеры, что фигуры бессознательного психологизируются и, как следствие, *самость* становится ассимилированной эго.

Хотя такой процесс в точности противоположен только что описанному, результат будет тот же: инфляция. Теперь мир сознания подлежит сносу в угоду реальности бессознательного. В первом случае реальность нужно защищать от архаического, "вечного" и "вездесущего", состояния сна; во втором - сон отвоевывает себе место за счет мира сознания. В первом случае рекомендуется мобилизация всех позитивных качеств, во втором же - самонадеянность эго может быть ослаблена только моральным поражением. Оно необходимо, ибо иначе никогда не будет достигнута средняя степень скромности, существенно важная для поддержания баланса. Дело не в том, чтобы (как может показаться) ослабить мораль саму по себе, но в том, чтобы приложить моральные

усилия в другом направлении. Например, недостаточно совестливый человек должен сделать моральное усилие, дабы исправить свой недостаток; но для того, кто неплохо укоренился в мире благодаря собственным усилиям, будет большим моральным достижением нанести поражение своим до-бродетелям, ослабив связи с миром и действенность собственной адаптации. (В этой связи, вспоминается канонизированный церковью брат Клаус, ради спасения души оставивший на произвол судьбы жену и мно-гочисленное потомство).

Поскольку все настоящие моральные проблемы начинаются там, где кончается действие уголовного ко-декса, их решение почти никогда не может быть основано на прецеденте и, тем более, на предписаниях и велениях. Подлинные моральные проблемы возникают из *конфлик-тов дома*. Всякий, кто достаточно скромнен либо благоду-шен, всегда может найти решение с помощью внешнего авторитета. Но тот, кто доверяет другим не больше, чем себе, вообще никогда не сможет достичь решения, если оно не явится ему способом, в обычном праве называемым "стихийным бедствием" (Таково юридическое значение термина, дословно означающего "божественное вмешательство". -

Прим. пер.

) Оксфордский словарь опре-деляет данное понятие как "действие неконтролируемых сил природы". Во всех подобных случаях некий бессозна-тельный авторитет кладет конец сомнениям, ставя нас перед

fait accompli (

Свершившийся факт (фр.) -

Прим. пер.

)

(Если провести анализ до конца, окажется, что это в завуалированной форме относится и к тем, кто заимствует решения у высшего авторитета). Такой авторитет может описываться и как "божья воля", и как "действие неконтролируемых сил природы", - хотя, с психологической точки зрения, отнюдь не все равно, как именно мы его мыслим. Рационалистическая интерп-ретация внутреннего авторитета в качестве "природных сил" или инстинктов удовлетворяет современным интел-лектуальным требованиям, но ее слабость в том, что видимая победа инстинкта оскорбительна для нашего морального самоуважения; а потому мы склонны убеж-дать себя, что решили вопрос исключительно рациональ-ным усилием воли. Цивилизованному человеку присущ такой страх перед *crimen laesae mainstatis humanae*

(

Преступление, состоящее в оскорблении человеческого величия (лат) -

Прим. пер.)

что он, по возможности, старается задним числом подретушировать факты и заглушить ощущение понесенного морального поражения. Он гордится тем, что кажется ему самообладанием и всесильностью его воли, и презирает людей, позволяющих голой природе пере-хитрить себя.

Напротив, если внутренний авторитет расценивается как "божья воля" (и тем самым подразумевается, что "природные силы" суть силы божественные), мы выигры-ваем в самооценке, ибо решение тогда выглядит актом повиновения и осуществлением божественного замысла. Подобные взгляды можно с некоторой долей спра-ведливости обвинить не только в том, что они слишком уж удобны, но и в сокрытии моральной неразборчивости под личиной добродетели. Однако это обвинение оправ-дывается лишь в случае, когда кто-либо фактически соз-нательно прикрывает свою эгоистическую точку зрения лицемерным словесным фасадом. Но такое положение -ни в коем случае не правило, поскольку, в большинстве случаев, инстинктивные тенденции прокладывают себе путь как в согласии с субъективными интересами челове-ка, так и в противоречии с ними, вне зависимости от того, одобряет ли их внешний авторитет. Нет нужды специ-ально консультироваться с внутренним авторитетом, так как он присутствует изначально и проявляет себя в интенсивности тенденций, борющихся в ходе принятия решения. В этой борьбе индивид никогда не бывает просто наблюдателем: он более или менее "добровольно" участвует в ней, пытаюсь бросить на чашу весов тяжесть своего чувства моральной свободы. Тем не менее, всегда остается невыясненным, в какой мере его якобы свобод-ное решение имеет каузальную и, возможно, бессозна-тельную мотивацию. Оно может быть "стихийным происшествием" так же, как и любой природный ка-таклизм. Проблема кажется мне неразрешимой, ибо нам неизвестно местонахождение корней моральной свободы; тем не менее, эти корни несомненно существуют, наравне с инстинктами, чью принудительную силу мы способны ощутить.

Как бы то ни было, объяснять инстинктивно действу-ющие внутри нас естественные силы "божьей волей" не только более выгодно, но и психологически более "кор-ректно". Мы при этом ощущаем, что живем в гармонии с *habitus* (Обычай (лат.) - Прим. пер.) наших предков, с жизнью их психики; то есть, мы функционируем так же, как человек функционировал везде и во все времена. Существование такого

habitus

само по себе служит доказательством его действительности, поскольку, если бы он был нежизнеспособен, все, кто подчинились ему, давно погибли бы от недостатка адаптированности. Но получается как раз наоборот: придерживаясь его, человек имеет все шансы достичь средней продолжительности жизни. Если образ мыслей, соответствующий этому обычаю, дает подобные га-рантии, то не только нет причин объявлять его неверным, но, напротив, есть достаточные основания считать его "истинным" или же "корректным" в психологическом смысле. Психологические истины не являются метафизи-ческими прозрениями; они суть освященные обычаем способы мышления, чувствования и поведения, дока-завшие на опыте свою адекватность и полезность.

Так что, когда я предлагаю понимать обнаруживаемые нами в себе импульсы как "божью волю", я стараюсь подчеркнуть, что в них надо видеть не произвольное

желание и волеизъявление, а некие абсолютные величины, с которыми нужно научиться правильно обращаться. Воля способна лишь частично контролировать их. Она в состоянии подавить их, но не изменить их природу, и то, что было однажды подавлено, выплывает снова, в другом месте и в измененной форме, но на этот раз - нагруженное раздражением, превращающим ранее безобидный природный импульс в нашего врага. Я также хотел бы, чтобы термин "Бог", подразумеваемый понятием "божьей воли", понимался не столько в христианском его значении, сколько в том смысле, в котором Диотима ответила Сократу, что Эрос есть "великий демон" (Платон, "Пир", 202 Д-Е: "Так что же такое Эрот? - спросил я... - Великий демон, Сократ. Ведь все демоны представляют собой нечто среднее между богом и смертным". (Перевод С.Апта.) - Прим. пер.)

Гре-ческие слова

daimon

и

daimonion

обозначают некую определяющую силу, приходящую к человеку извне, подобно провидению или судьбе, - хотя этическое принятие решений остается за человеком. Он, однако, должен знать, что делает и относительно чего принимает решение. Тогда он, повинувшись, следует не одному только своему мнению, - а отвергая эту силу, он уничтожает не одно только свое изобретение.

Чисто биологический или естественнонаучный подход недостаточен для психологии в силу своего, главным образом интеллектуального характера. Этот его характер, конечно, - не изъян, и методы естественных наук доказали, что их эвристическая ценность весьма значительна для психологических исследований. Но психические явления в их целостности невозможно постичь с помощью интеллекта, ибо в их состав входят не только *значения*, но и *ценности*, а последние зависят от интенсивности сопутствующего эмоционального, чувственного тона. Поэтому, необходимы по крайней мере две "рациональных" функции ⁵, чтобы вычертить нечто приближающееся к полной диаграмме заданного содержимого психики.

Следовательно, если, имея дело с психическими содержаниями, допускать не только интеллектуальные, но также и ценностные суждения, в результате можно получить не просто более полную картину рассматриваемого содержимого психики, но и лучшее представление о месте, занимаемом им в общей иерархии психических содержаний. Чувственная ценность служит весьма важным критерием, без которого психология не может обойтись, поскольку она в большой мере определяет, какую роль будет играть данное содержимое в психической экономике. Я хочу сказать, что аффективная ценность определяет меру интенсивности представления, а интенсивность, в свою очередь, определяет энергетическое напряжение данного представления, его действенный потенциал. Тень, например, обычно имеет определенно негативную

эмоциональную ценность, тогда как анима и анимус окрашены несколько позитивнее. Если тени со-путствуют более или менее четкие и поддающиеся описанию тона, то анима и анимус демонстрируют чувст-венные качества, определить которые гораздо труднее.

Главным образом, они ощущаются как нечто зачаровыва-ющее, нуминозное. Зачастую их окружает атмосфера чувствительности, обидчивой сдержанности, скрытности, болезненно тесной связи и при этом - абсолютной влас-тности. В этих качествах выражает себя относительная автономность фигур анимы и анимуса. По своему аф-фективному рангу они соотносятся с тенью примерно так же, как тень с эго-сознанием. Представляется, что основ-ной афффективный акцент приходится на долю последнего; во всяком случае оно способно - со значительными затратами энергии - хотя бы временно подавить тень. Но если по какой-либо причине бессознательное берет верх, тогда весомость тени и других его фигур возрастает в такой пропорции, что шкала ценностей приобретает обратный характер. То, что залегало дальше всего от бодрствующего сознания и казалось целиком бессозна-тельным, обретает угрожающие формы, и афффективная ценность растет по мере продвижения вверх на следую-щей шкале: эго-сознание, тень, анима, самость. Подобная инверсия сознательного состояния бодрствования регу-лярно происходит при переходе от бодрствования ко сну, и тогда ярче всего проступают именно те образы, которые оставались бессознательными при свете дня. Относител-ную инверсию ценностей вызывает также любое *abaisse-ment du niveau mental* (

П
онижение плато интеллекта, понижение сознания (фр.)

-Прим. пер.

)

Здесь я говорю о *субъективной* эмоциональной цен-ности, подверженной вышеописанным более или менее периодическим изменениям. Но есть еще и *объективные*

ценности, основанные на

consensus

omnium

(

Всеобщее согласие (лат.) -

Прим. пер.) -

например, моральные, эстетические и религиозные цен-ности; это - признаваемые всеми идеалы или окрашенные чувством коллективные представления ("

representations collectives

" Леви - Брюля)

6

. Субъективные чувственные тона или "ценностные кванты" легко распознаются на основании числа и типа порождаемых ими констелляций, или симптомов беспокойства

7

. Коллективные идеалы часто лишены субъективного эмоционального тона, но тем не менее сохраняют чувственную ценность. Эту их ценность, следовательно, нельзя продемонстрировать с помощью субъективных симптомов; однако, можно доказать ее наличие на основании их характерного символизма и связанных с этими коллективными идеями атрибутов, - не говоря уже об их суггестивном воздействии.

Данная проблема имеет свой практический аспект, поскольку вполне может случиться, что коллективное представление, хотя бы и значимое само по себе, в силу отсутствия у него субъективных чувственных тонов представлено в сновидении лишь вспомогательными атрибутами, подобно тому как териоморфный атрибут может представлять божество и т.п. И наоборот: идея может предстать в сознании без присущих ей аффективных акцентов; тогда ее надлежит переместить назад, в ее архетипический контекст - задача, выполняемая обычно поэтами и пророками. Так Гельдерлин в своем "Гимне свободе" возвращает этому понятию, затасканному частым употреблением и злоупотреблением, весь его первоначальный блеск:

"С пой поры, как поднят я из праха,

Как ее лобзания познал,

Чист мой взор, не знает сердце страха,

Страстью к ней мой разум воспылал.

Речь ее ловлю я чутким слухом,

Как богине поклоняюсь ей.

Слушайте! Вещает добрым духам

Мудрый глас владычицы моей:..."

(Перевод Л.Гинзбурга. - Цит. по: Гельдерин. Сочинения. - М.: Худ.лит., 1969, - с.51. -*При м. пер.*
)

Нетрудно увидеть, что идея свободы здесь транс-формирована в свой исходный драматический образ - в сияющую фигуру анимы, освобожденной от тяжести земли и тирании чувств, в психопомпа, показывающего путь к полям Элизиума.

Первый из упомянутых нами случаев, когда кол-лективная идея представлена в сновидении в сниженном аспекте, несомненно встречается чаще: "богиня" появля-ется в виде черной кошки, а божество - в виде *lapis exilis* (камня, лишеного ценности). Тогда для интерпретации необходимы определенные познания не столько в зоо-логии и минералогии, сколько в том, что относится к существованию исторического *consensus omnium*

по поводу рассматриваемого объекта. "Мифологические" ас-пекты присутствуют всегда, даже если они бессознатель-ны в том или ином конкретном случае. Например, выбирая, в какой цвет - зеленый или белый - покрасить садовую калитку, человек может и не помнить, что зеленый - цвет жизни и надежды; тем не менее, символический аспект "зеленого" присутствует в качест-ве бессознательного

svus

-

entendu

(

Подразумеваемое (фр.) -

Прим. пер.)

Так мы обнаружи-ваем, что нечто, в высшей степени значительное для жизни бессознательного, занимает самую нижнюю сту-пеньку на шкале ценностей сознания, и наоборот. Фигура тени сама по себе уже принадлежит царству бестелесных призраков - не говоря об аниме и анимусе, вообще прояв-ляющихся не иначе как в виде проекций на других людей. Что касается самости, она находится целиком вне личнос-тной сферы, если и являет себя нам, то лишь в виде религиозной мифологемы, а ее символы варьируют в диапа-зоне от высочайшего до наинижайшего. Всякий, кто самоидентифицируется с дневной половиной своей психической жизни, на основании только что сказанного объявит ночные сновидения пустопорожними, - хотя ночь не менее длинна, чем день, а всякое сознание очевидным образом опирается на

бессознательное, коренится в нем и растворяется в нем каждой ночью. Более того, психиатрии довольно хорошо известно, что может сделать бессознательное с сознанием, и по этой причине она уделяет бессознательному внимание, зачастую кажущееся не-достижимо большим с точки зрения непрофессионала. Мы знаем, например, что все, днем незначительное, разрастается по ночам, и наоборот; таким образом, мы знаем, что рядом со всем, что днем мало, маячит то, что ночью велико, пусть даже оно и невидимо.

Знание такого рода является необходимым предварительным условием любой интеграции: то есть психическое содержание может быть интегрировано лишь если осознан его двойственный аспект, и если оно не только постигнуто интеллектом, но и понято в соответствии с его чувственной ценностью. Однако интеллект и чувство трудно запрячь в одну упряжку - они вступают в конфликт по определению. Каждый, кто идентифицирует себя с интеллектуальной точкой зрения, изредка обнаруживает, что его чувства противостоят ему, как враг в облике анимы; со своей стороны, интеллектуальный анимус способен ожесточенно атаковать позиции чувств. Так что всякий, кто пожелает совершить трудный подвиг осознания чего-либо не только интеллектуальным образом, но и в соответствии с его чувственной ценностью, обязательно должен будет столкнуться с проблемой анимы/анимуса, решение которой откроет ему путь к высшему единству - *conjunctio oppositorum* (Соединение противоположностей (лат.) - Прим. пер.)

Хотя на первый взгляд "целостность" представляется всего лишь абстрактной идеей (так же как анима и анимус), она на самом деле носит эмпирический характер, ибо психе предвидит ее в форме спонтанных и автономных символов. Речь идет о символах четверицы либо мандалы, не только встречающихся в сновидениях современных людей, никогда раньше не слышавших о них, но и широко распространенных в исторической памяти многих эпох и народов. Их значение, в качестве *символов единства и целостности*, подтверждается и историей, и эмпирической психологией. То, что поначалу выглядит абстрактной идеей, на самом деле указывает на нечто существующее и эмпирически осязаемое, спонтанно демонстрирующее свое априорное присутствие. Целостность, таким образом, представляет собой объективный фактор, с которым субъект сталкивается независимо от своего желания, как с анимой или анимусом; и, как последние занимают в иерархии более высокое положение, чем тень, так и целостность претендует на положение и ценность более высокую, чем у неразрывной пары. Но этой парой представлена как минимум существенная часть целостности, если даже не обе половины целого, образуемого царственной парой "брат-сестра", а тем самым - и напряженность между противоположностями, из которой рождается божественное дитя

9

как символ единства.

Единство и целостность стоят на высшей ступени шкалы объективных ценностей, поскольку их символы уже практически неотличимы от *imago Dei* (Образ Бога (лат.) - *Прим. пер.*)

Следовательно, все высказывания, имеющие отношение к образу Бога, приложимы также и к эмпирическим символам целостности. Опыт показывает, что индивидуальные мандалы символизируют

порядок

и возникают у пациентов в основном в периоды психической дезориентации или переориентации. В качестве магических кругов они свя-зывают и подчиняют необузданные силы, принадлежащие миру тьмы, и создают, либо очерчивают порядок, преоб-разующий хаос в космос

10

. Мандала впервые появляется в сознании как неразборчивая точка или пятнышко," и необходимо проделать большой и тяжкий труд, попутно интегрировав немалое число проекций, прежде чем придет сколько-нибудь полное понимание всей широты охвата символа. Если бы это понимание было делом чисто интеллектуальным, его можно было бы достичь без осо-бых затруднений, ибо встречающиеся по всему миру высказывания о Боге внутри нас и над нами, о Христе и

flatus vocis

(

Мистическое тело (лат.) -

Прим. пер.), о

личном и надличностном атмане и т.п., все без исключения представляют собой формулировки с легкостью осваиваемые философским интеллектом. Отсюда проистекает иллюзия того, что вместе с фор-мулировками мы овладели и самой вещью. На самом же деле мы заполучили всего лишь ее имя, - и вряд ли нам поможет старинный предрассудок, гласящий, что имя служит магическим представителем вещи, и что достаточ-но произнести имя, чтобы постулировать существование вещи. За многие тысячелетия мыслящий ум имел массу возможностей увидеть бесплодность этого трюка, но так и не научился не принимать интеллектуальное овладение вещью за чистую монету. Наш психологический опыт демонстрирует со всей отчетливостью, что интеллектуальное "схватывание" психологического факта не дает в наше распоряжение ничего, кроме понятия, а понятие есть не более чем имя,

flatus vocis

(

Модуляция голоса (лат.) -

Прим. пер.)

Подобные интеллек-туальные фишки легко размениваются, как пешки в шах-матах. Они без помех передаются из рук в руки, ибо лишены субстанции и веса. Они звучат так, будто бы чем-то наполнены, но на самом деле они пусты внутри; и, хотя ими подразумевается некий серьезный долг, никаких обязанностей для нас из них не проистекает. Бесспорно, интеллект полезен в своей области, но вне ее он превра-щается в подобие шарлатана-фокусника, особенно когда пытается манипулировать ценностями.

Кажется, можно заниматься с помощью одного лишь интеллекта любой наукой, кроме психологии, предмет которой - психе - не сводится к обычным двум аспектам, опосредуемым, соответственно, чувственным восприятием и мышлением. Функция оценки - то есть чувство - является интегральной составляющей нашей сознательной ориентации и не должна упускаться из виду в психологических суждениях любого масштаба; в противном случае, модель реального процесса, которую мы пытаемся выстроить, неминуемо окажется неполной. Ко всякому психическому процессу присовокупляется некое ценностное качество, а именно - тон его эмоциональной окрашенности. Этот тон показывает, насколько субъект *аффективно затронут* данным процессом, или насколько много процесс значит для него (в той мере, в какой этот процесс вообще достигает осознанности). Именно благодаря "аффекту" субъект становится сопричастным реальности и начинает ощущать всю ее весомость. Разница примерно такова, как между тяжелой болезнью, о которой читаешь в учебнике, и болезнью, которой болеешь в реальности. В психологии никто не будет чем-либо владеть, пока не испытает это в действительности. А потому интеллектуального понимания здесь недостаточно: оно дает нам лишь знание слов, но не существа самой вещи, как она выглядит изнутри.

Бессознательного боится гораздо большее число людей, чем можно было бы ожидать. Они пугаются даже собственной тени. Если же речь заходит об аниме и анимусе, страх переходит в панику. И в самом деле, неразрывная пара представляет содержимое психики, прорывающееся в сознание при психозе (явственнее всего - при параноидных формах шизофрении) ¹². Преодоление такого страха - иногда нешуточное моральное достижение, но его, к сожалению, недостаточно для выполнения всех предварительных условий на пути к подлинному опыту самости.

Тень, неразрывная пара и самость суть психические факторы, адекватное представление о которых можно составить только на основании полного объема связанного с ними опыта. Эти понятия возникают из пережитой реальности, и прояснить их также может лишь опыт дальнейшего переживания. Философский критицизм найдет в них массу поводов для возражений; но лучше бы ему начать с признания того, что они соотносятся с *фактами*, а "понятие" служит всего лишь сокращенным описанием или определением этих фактов. Критицизм указанного рода способен повлиять на объект не больше, чем некий зоологический критицизм сумел бы повлиять на уткуноса. Дело не в понятии: понятие - всего лишь слово, фишка, получающая значение и применение только потому, что она замещает определенную сумму пережитого опыта. К несчастью, я не в состоянии передать этот опыт публике. В многочисленных печатных работах я старался на конкретном клиническом материале продемонстрировать природу опыта, о котором идет речь, а также метод его получения. Везде, где мои методы применялись без искажений, приводимые мною факты

подтверждались. Спутники Юпитера можно было бы видеть и во времена Галилея, если бы кто-нибудь дал себе труд воспользоваться его телескопом.

За пределами узкой сферы профессиональной психологии эти фигуры оказываются понятны всем, кто немного знаком со сравнительной мифологией. В тени они без труда узнают враждебного представителя темного хтонического мира - фигуру, чьи характеристики достаточно всеобщы.

Неразрывную пару они сразу же понимают как психический прототип всех божественных пар. Наконец, самость, в силу ее эмпирических особенностей, воспринимается как *эйдос*, стоящий за верховенствующими идеями единства и целостности, неотъемлемыми для всех монотеистических и монистических систем.

Я считаю эти параллели важными, поскольку с их помощью можно связать так называемые *метафизические* понятия, утратившие корни, бывшие у них в природном опыте, с универсальными живыми психическими процессами, дабы вернуть им их подлинное первоначальное значение. Таким путем восстанавливается связь между эго и проецируемыми психическими содержаниями, формулируемыми в настоящее время как "метафизические" идеи. К сожалению, как уже говорилось, тот факт, что метафизические идеи существуют и люди верят в них, ничуть не доказывает действительного существования их содержания или объекта, с которым они соотносятся, хотя и нельзя считать невозможным совпадение идеи с реальностью в форме особого психического состояния благодати - пусть даже субъект оказывается неспособен вызвать его актом собственной воли. Как только метафизические идеи утрачивают свойство вызывать исходный опыт переживания и возобновлять его, они не просто становятся бесполезны, но превращаются в подлинное препятствие на пути к дальнейшему развитию. Люди хватаются за обладание тем, что когда-то означало богатство; и чем бесполезнее, непонятнее и безжизненнее становятся идеи, тем упрямее цепляются за них люди. (Естественно, хвататься можно исключительно за бесплодные идеи: жизнеспособные представления наделены содержанием и достаточным богатством, чтобы не было нужды в цеплянии за них). Так с ходом времени значительное превращается в лишнее значения. Такова, к несчастью, судьба всех метафизических идей.

Вопрос о том, что же все-таки означают подобные идеи, вырос сегодня в насущную проблему. Мир, если и не полностью отвернулся от традиции, то, по крайней мере, давно уже не желает выслушивать "послания": он предпочел бы услышать, что эти послания значат. Слова, звучащие с кафедр проповедников, непонятны и настоятельно

требуют объяснения. Как это Христос своей смертью дал нам спасение, если никто не чувствует себя спасенным? Каким образом Иисус может быть Богочеловеком и что есть существо такого рода? К чему нужны Троица, непорочное зачатие, поедание тела и выпивание крови, и все такое прочее? Какая связь мыслима между миром подобных понятий и повседневным миром, материальная реальность которого является заботой широчайшего спектра естественных наук? По крайней мере, шестнадцать часов из двадцати четырех мы живем исключительно в этом повседневном мире, а остальные восемь проводим, предпочтительно, в бессознательном состоянии. Где и когда происходит что-нибудь хоть отдаленно способное напомнить нам о таких явлениях, как ангелы, чудесное насыщение, блаженство, возрождение мертвых и т.д.? Итак, весьма значительным открытием было узнать, что во время бессознательного состояния сна случаются интервалы, именуемые "сновидениями", иногда содержащие сцены, сильно напоминающие мифологические мотивы. Ибо мифы - не что иное, как рассказы о чудесах, часто трактуемые предметы, выступающие также и объектом веры.

Едва ли эти вещи существуют в повседневном мире сознания; до 1933 года разве что сумасшедшие могли реально переживать целые фрагменты мифологии. Позднее этой даты мир героев и чудовищ, как опустошительный пожар, распространился на целые нации и доказал, что странная вселенная мифов ничуть не утратила жизнеспособность на протяжении столетий разума и просвещения. Если метафизические идеи больше уже не оказывают своего зачаровывающего воздействия, этим мы обязаны определенно не какому-либо уменьшению примитивности европейской психе, но исключительно тому простому факту, что давнишние символы более не способны выражать все, бывшее сейчас ключом из бессознательного в качестве конечного результата многовекового развития христианского сознания. Подлинный результат здесь - *antimimon pleita* (Дух подражательности (греч.) -

Прим. пер.)

лживый дух высокомерия, истерии, помрачения рассудка, криминального аморализма и доктринального фанатизма, в изобилии поставляющий поддельные духовные ценности, нелепое искусство, философскую болтовню и утопическую чушь, пригодную разве что для скармливания нынешнему неразборчивому массовому потребителю. Именно так выглядит пост христианский дух.

1 Материал этой главы взят из статьи: "Uber das Selbst", опубликованной в: *Eranos-Jahrbuch* 1948.

2 "Отношение между Я и бессознательным"

3 В смысле, предполагаемом словами 1 Кор., 5,2 : "Iflati estis [pejusiw menoi] et non magic luctum habuistis"

("И вы возгорди-лись, вместо того чтобы лучше плакать") - высказанными по случаю терпимости в отношении инцеста с матерью ("что некто вместо жены имеет жену отца своего").

4 Ср. "On the Nature of the Psyche", par.414 ff, 439ff.

5 Ср. "Психологические типы". Рациональное и иррациональное.

6 Les Fonctions mentales dans les soci?t?s inf?rieures.

7 "On Psychic Energy", par.14ff, 20 ff.

8 *Samtliche Werke*, I, p. 126

9 См. мою работу "Психология архетипа ребенка", а также "Психология и алхимия" (указатель, "filius Philosophorum", "дитя", "гермафродит")

10 Ср. "Психология и алхимия", ч. II, гл. 3.

11 Ср. ниже, пар. 340

12 Классический случай опубликован Нелькеном: "Analytische Beobachtungen ?ber Phantasien eines Schizophrenen",
другой -

Самость

Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

Schreibers

,

S

Memoirs of My Nervous Illness

.